

Мазда Мазда (авест. *Mazdā*/h/, ср. авест., древнеперс., *mazdā*-, «мудрый»), в иранской мифологии одно из наименований (или составная часть наименования) главного божества (см. Ахурамазда).

До последнего времени М. и Ахура Мазда рассматривались исключительно как частичное и полное название, и спор шёл в основном лишь о том, как понимать слово «М.» — как эпитет к Ахура (то есть «Мудрый Ахура», «Мудрый господин») или как просто существительное («мудрость», откуда Ахура Мазда, «господин мудрость»), которое, собственно, и является именем божества. В начале XX в. была выдвинута точка зрения (Э. Леман), которую поддержали Э. Бенвенист, М. У. Смит, С. Конов, К. Барр, П. Тиме, Б. Шлерат, В. В. Маландра и другие, что М. — это персонифицированное абстрактное понятие, означающее мудрость (ср. *Воху Мана*, собственно «благая мысль», *Армайти*, «благонамеренность» и др.).

Однако в результате ряда исследований последнего времени (прежде всего Ф. Б. Дж. Кейпера) было показано, что слово *mazdā*- нужно понимать не как абстрактное существительное женского рода, к которому позднее и вторично присоединилось *h* в качестве показателя именительного падежа мужского рода, а как архаичное прилагательное, восходящее к форме **mazdāh-s*, «мудрый». Более того, очень вероятно, что ни М., ни Ахура М., строго говоря, не были именами главного бога, но лишь нетабуированными вариантами его обозначения.

Во всяком случае, характерно, что, с одной стороны, в «Яште» (I) перечисляются двадцать «ложных» имён бога, а, с другой стороны, иранцы обозначали его в своём религиозном календаре как «безымянный» или описательно «создатель». Нужно полагать, что таким же дескриптивным обозначением было и М. — «мудрый» или Ахура М. («господин мудрый»).

Иначе говоря, эпитет «мудрый» выделял главное божество среди других ахуров, ср. «О Мудрый и (другие) Ахуры» («Яшт» XXX 9; XXXI 4); «(О ты), который могучейший Ахура и Мудрый» (XXXIII 11), хотя «Мудрый» как обозначение главного божества — результат табуирования, сам выбор именно такого эпитета весьма показателен. Авестийское и древнеперсидское *mazdā* [родственно славянскому **mьdrъ* (русское *мудр-*)] восходит к индоевропейскому обозначению особенного вида ментального возбуждения (эйфории) **men-(dh)-* (откуда и другие слова индоевропейских языков, обозначающие как «мудрость», «мысль», «намерение», так и «силу», «гнев», «ярость», «бешенство», ср.,

например, древнегреческое (μανία, «мания»).

Мудрость как особенность (видимо, основная) главного иранского божества объясняется не только известной установкой на рационализм и мифопоэтический «логицизм» иранской религиозной традиции, но и предысторией его образа. В архаичной традиции мудрость нередко понималась как некий дар (равно духовный и сугубо материальный), с помощью которого достигается процветание, успех, удача, независимо от того, идёт ли речь об обретении высших духовных ценностей или богатства, скота, потомства (к сексуальному аспекту ср. славянское *mdě*, «тестикулы»).

С помощью мудрости совершается медиация противопоставленных друг другу крайностей — телесного, материального низа и духовного, мыслительного верха — материальное, отрицательное, грешное преобразуется в духовное, положительное, моральное (ср. также подчёркнутость этического аспекта в иранской религиозной мысли). Иранский главный бог в своей истории как раз и обнаруживает черты связи верха и низа (в реконструкции — добра и зла) и может быть восстановлен как божество, осуществляющее функцию перехода или, по крайней мере, изменившее в процессе эволюции свой исходный статус, так или иначе связанное с некой границей или порубежной ситуацией.

Эти соображения подтверждаются данными ближайшей ведийской мифологической традиции. На основании соответствия иранской пары Митра — Ахура М. (ср., например, «Яшт» X, 113, 145 и др.), ведийской Митра — Варуна выдвигается гипотеза о возможности отождествить для известного периода Варуну и Ахура М. Это тождество подтверждается тем, что Варуна первоначально был асурой, подобно тому как М. принадлежит к той же категории (ахура) фундаментального противопоставления асур и дева в индоиранской мифологической традиции.

Впоследствии Варуна и Ахура М. совершили одинаковый переход, изменивший их статус: Варуна перешёл в мир дева и стал божественным (девовским) асурой, иранские ахуры стали богами, а М. — высшим богом. ср. также обращение к Варуне: «О ты, Мудрый (*medhira*), правишь над всеми вещами, над небом и землёй» (RV I 25, 20); его эпитеты: «разумный асура», «всеведущий асура» и т. п. Поскольку ведийский Варуна связан с нижним миром, с первозданными космическими водами, а позже (вместе с Митрой) стал медиатором между нижним и верхним царствами, такую же или сходную эволюцию можно предположить и для М. или Ахура М. ср. среди прочего: М. или Ахура М. связан с творением земли и вод, с дневным и ночным небом, со здоровьем и болезнью, с распределением добра и зла, как и с преодолением сил и средств нижнего мира —

демонов, врагов, несчастья, колдовства; он символ последнего суда («Ясна» 48).

Совокупные данные индоиранской традиции, как и некоторые собственно авестийские данные (ср. «Ясна» 37, 3), делают вероятным предположение, согласно которому Ахура как имя главного божества предшествовало его обозначению как М. Тем не менее, в «Гатах» он чаще всего обозначается М. (116 раз) или Ахура (64 раза); М. Ахура отмечено 28 раз. (В 24 примерах типа М. Ахура между этими частями нет цезуры, что, видимо, указывает дополнительно на невозможность интерпретации М. Ахуры как «мудрость, господин».) В позднейших частях «Авесты» имя главного бога приобретает клишированную форму с необычным (инвертированным, контрастным) порядком элементов — Ahuro Mazda. Это сочетание, обнаруживающее уже тенденцию к унификации и потенциальному превращению в одно сложное слово, едва ли может непосредственно продолжать наиболее древнее иранское состояние, когда название Ахура уточнялось эпитетом Мазда.

Ф. Б. Дж. Кейпер высказал предположение, что это древнее состояние в незороастрийской традиции отразилось как *Ahura Mazdā, а в зороастрийской как Ahura, Mazdā, Mazdā-Ahura. Первая имела продолжение в обозначении главного божества как Auramazdā в языке ахеменидских клинописных текстов [отсюда ср. поздние формы типа пехлевийского Ōhrmazd, Ōhrmazd, согдийско-манихейского xwrmz, xwrmwd, xwrmz] (= xormuzda, xormazda), хорезмийского Rēmažd, сакского urmaysde, «солнце», сангличи ōrmōzd, йидга, мунджи ormōzd, ишкашимского remuzd и т. п., а также многочисленные заимствования в другие языки: тувинский Курбусту, монгольский Хормуста, бурятский Хан Тюрмас, Калбесэм у енисейских кетов и т. п.].

Вторая традиция, видимо, не имела прямых продолжений. Позднее же зороастрийское Ahura Mazdā рассматривается как результат влияния незороастрийской формы имени бога.

Такие сближения в обход зороастрийской традиции показательны с точки зрения определения личного вклада Заратуштры в формирование образа М. или Ахура М. Возможно, именно Заратуштра усилил акцент на эпитете «мудрый», который позже послужил основой для формирования абстрактного деифицированного понятия мудрости.

В том или ином виде иранский мотив божественной мудрости, как и учение о Софии,

могли столкнуться на русской почве, где отмечены синтетические философско-мифологические и фольклорные образы премудрости (ср. сказочный сюжет Василисы Премудрой, то есть «премудрой царицы», и его иранские аналогии). В этой перспективе образ иранского М. может рассматриваться для ряда ситуаций как самодовлеющий (ср. многочисленные древнеиранские имена типа *Mazdaka-, *Mazdadāta-, *Mazdafarnah-, *Mazdayazna, *Mazdara- и другие в персеполитанской ономастике) и уж во всяком случае не перекрывающийся полностью образом Ахура Мазды.

Литература :

Benveniste E., The Persian religion, according to the chief Greek texts, P., 1929, p. 35–49;
его же, Le terme iranien mazdayasna, «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», 1970, v. 33, p. 5–9;
Smith M. W., Studies in the Syntax of the Gathas of Zarathushtra together with text, translation and notes, Phil., 1929, p. 25–28;
Konow S., Medhā and Mazdā, в кн.: Jhā commemoration volume.

Essays on oriental subjects, Poona, 1937, p. 217–22;
Barr K., Øst og Vest, Kbh., 1945, p. 136;
его же, Avesta, Kbh., 1955, p. 37, 208;
Humbach H., Ahura mazdā und die Daēvas, «Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens», 1957, Bd 1, S. 81–94;
его же, Die Gathas des Zarathustra, Bd 1–2, Hdlb., 1959;
Kuiper F. B. J., Avestan Mazdā, «Indo-Iranian Journal», 1957, v. 1, p. 86–95;
его же, Ahura Mazdā «Lord Wisdom?», там же, 1976, v. 18, p. 25–42;
Thieme P., Die vedischen Ādityas und die zarathustrischen Am sa Spentas, в кн.: X. Internationaler Kongress für Religionsgeschichte, 11–17. September 1960 in Marburg/Lahn, Marburg, 1961 (то же, в кн.: Zarathustra, hrsg. von B. Schlerath, Darmstadt, 1970, p. 397–412);
Schlerath B., Gedanke, wort und werk im Veda und im Awesta, в кн.: Antiquitates Indogermanicae, Innsbruck, 1974, p. 204;
Schmidt H.-P., в кн.: Neue Méthodologie in der Iranistik, Wiesbaden, 1974, S. 319;
Boyce M., On Varuna's part in Zoroastrianism, в кн.: Mélanges linguistiques offerts à E. Benveniste, P., 1975, p. 55–64;
Belardi W., Studi mithraici e mazdei, Roma, 1977. В. Н. Топоров.